

|

- Хозяин что-то замышляет,— заметил первым Петух, гордо выпячивая атласную грудь.

- А я знаю, что! — чирикнул с берёзы старый Воробей.— Ну-ка, догадайся, умная голова!.. Нет, лучше и не думай: всё равно ничего не придумаешь.

Петух сделал вид, что не понял обидных слов, и, чтобы показать своё презрение дерзкому хвастунишке, громко захлопал крыльями, вытянул шею, и, страшно раскрыв клюв, пронзительно заорал своё единственное ку-ку-реку!

- Ах, глупый горлан...— смеялся старый Воробей, вздрагивая своим крошечным тельцем.— Сейчас видно, что ничего не понимает. Чили-чили!

А хозяин маленького домика, стоявшего на окраине города, действительно, был занят необыкновенным делом,- Во-первых, он вынес из комнаты небольшой ящик с железной кровелькой.



Потом достал из сарая длинный шест и начал прибивать к нему гвоздями принесённый ящик. Мальчик лет пяти внимательно наблюдал за каждым его движением.

- Отличная штука будет, Серёжка! — весело говорил отец, обивая последний гвоздь.— Настоящий дворец...

- А где скворцы, тятя? — спросил мальчик.

- А скворцы прилетят сами...

- Ага, скворечник!..— гаркнул Петух, прислушивавшийся к разговору.— Я так и знал!

- Ах, глупый, глупый! — засмеялся над ним старый Воробей.— Это мне квартиру приготавливают... да! Эй, старуха, смотри, какой нам домик сделали!

Воробиха была гораздо серьёзнее мужа и отнеслась с недоверием к этим словам. Да и хозяин сам говорит о скворцах, значит, будет скворечник. Впрочем, спорить она не желала, потому что это было бесполезно: разве старого Воробья кто-нибудь переспорит? Он будет повторять своё без конца, а она совсем не хотела ссориться. Да и зачем ссориться, когда весеннее солнышко так ласково светит? Везде бегут весенние ручейки, и почки на берёзах уже совсем набухли и покраснели: вот-вот раскроются и выпустят каждая по зелёному листочку, такому мягкому, светленькому, душистому и точно покрытому лаком. Слава богу, зима прошла, и теперь всем наступает великая радость. Конечно, старый Воробей — страшный забияка и частенько обижает свою старуху; но в такие светлые весенние дни забываются даже семейные неприятности.

- Что же ты молчишь, моя старушка? — приставал к ней старый Воробей.— Будет нам жить под крышей: и темно, и ветром продувает, и вообще неудобно.

Признаться сказать, я давно думаю переменить квартиру, да всё как-то было некогда. Хорошо, что хозяин сам догадался... Вот у кур есть курятник, у лошадей — стойло, у собаки — конура; а только я один должен был скитаться, где попало. Совестно стало хозяину, вот он и приготовил мне домишко... Отлично заживём, старушонка.

Весь двор был занят хозяйской работой; из конюшни выглядывала лошадиная голова, из конуры вылез мохнатый Волчок, и даже показался серый кот Васька, целые дни лежавший где-нибудь на солнышке. Все следили, что будет дальше.

- Эй, старый плут! — кричал старый Воробей, завидев своего главного врага, кота Ваську. — Ты зачем пожаловал сюда, дармоед. Теперь, брат, тебе меня не достать... да! Лови своих мышей да посматривай, как я заживу в своём домишке. Не всё мне по морозу прыгать на одной ножке, а тебе лежать на печке...

- Что же, пожалуй, и так... — согласился Петух, тоже недолюбливая кота Ваську.— Положим, что старый Воробей и хвастун, и забияка, и вор, но он всё-таки не таскает цыплят.

Кончив свою работу, хозяин поднял шест со скворечником и прикрепил его к самому крепкому столбу ограды.

Скворечник был отличный: доски были пригнаны плотно, наверху—железная крышка, а сбоку прикреплена сухая берёзовая ветка, на которой так удобно было дышать. У маленького круглого оконца, через которое можно было влететь в скворечник, устроена была деревянная полочка,—

тоже недурно отдохнуть.

- Живо, старуха, собирайся! — крикнул старый Воробей.— Ведь есть нахалы, которые сейчас готовы захватить чужой дом... Те же скворцы прилетят.

- А если нас оттуда выгонят? — заметила Воробьяха. — Старое своё гнездо разорим, кто-нибудь его займёт, а сами и останемся ни причём... Да и хозяин про скворцов говорил.

- Ах, глупая, это он пошутил.

Не успел хозяин отойти от скворечника, чтобы полюбоваться своей работой издали, как старый Воробей уже был на железной кровельке. Весело чиликнув, он быстро юркнул в оконце, только хвостик мелькнул.

- Эге, да тут совсем отлично! — думал вслух старый Воробей, запутавшись в хлопьях кудели. — Тотой моей старухе тепло будет, да и ребятишкам тоже... Не дует ниоткуда, дождём не мочит, и, главное, сам хозяин для меня устроил. Недурно... А зимой здесь — умирать не надо.

Взобравшись на самую верхушку скворечника, старый Воробей весело распустил все пёрышки, повернулся во все стороны и крикнул:

- Это я, братцы! Милости просим к нам на новоселье.

- Ах, разбойник! — обругал его хозяин снизу. — Уж успел забраться. Погоди, брат, вот прилетят скворцы, они тебе зададут...

Маленький Серёжка был ужасно огорчён, что в скворечнике поселился самый обыкновенный воробей.

- Ты каждое утро смотри, — учил его отец. — На днях должны прилететь наши скворцы.

- Будет шутить, хозяин! — кричал старый Воробей сверху. — Меня-то не проведёшь... А скворцам мы и сами зададим жару-пару.

II

Старый Воробей расположился в скворечнике по-домашнему, как и следует семейной птице. Из старого гнезда был перетащен пух и всё, что только можно было утащить.

- А теперь пусть в нём живут племянники,— решил старый Воробей со свойственным ему великодушием. — Я всегда готов отдать родственникам последнее. Пусть живут да меня, старика, добром поминают.

- Тоже расщедрился! — смеялись другие воробьи. — По-дарил племянникам какую-то щель... Вот уж посмотрим, как самого погонят из скворечника, так куда тогда денется?

Всё это говорилось, конечно, из зависти, и старый Воробей только посмеивался: пусть их поговорят. О, это был опытный, старый Воробей, выдавший виды... Сидя в своём тёплом гнезде, теперь он с удовольствием вспоминал о разных неудачах своей жизни. Раз чуть не сгорел, забравшись погреться в трубу, в другой — чуть не утонул, потом замерзал, потом совсем было

попался в бархатные лапки старого плута Васьки и чуть живой вырвался, — э, да мало ли невзгод и горя он перенёс!..

- Пора и отдохнуть, — рассуждал он громко, взобравшись на крышу своего нового домика. — Я — заслуженный воробей... Молодые-то пусть поучатся, как нужно на свете жить.

Как ни смешно было нахальство старого Воробья, но к нему все привыкли и даже стали верить, что действительно скворечник поставлен именно для старого Воробья. Теперь все ждали только того решительного дня, когда прилетят скворцы, — что-то тогда будет делать старик, забравшийся в чужое гнездо?



- Что такое скворцы? — рассуждал вслух старый Воробей. — Глупая птица, которая неизвестно зачем перелетает с одного места на другое. Вот наш Петух тоже не умён, но зато и сидит дома; а потом из него сварят суп... Я хочу сказать, что глупый Петух хоть на суп годен, а скворцы — никуда; прилетят, как шальные, вертятся, стрекочут... Тьфу! Смотреть неприятно.

- Скворцы поют... — заметил Волчок, которому порядочно-таки надоело слушать эту воробьиную болтовню. — А ты только умеешь воровать.

- Поют? Это называется петь? — изумился старый Воробей. — Ха-ха!... Нет, уж извините, господа, про себя говорить нехорошо, а между тем я должен сказать, что если кто действительно поёт, так это я... Да! И я постоянно пою, с утра до ночи, пою целую жизнь... Вот послушайте: чили-чили-чилик!.. Хорошо, не правда ли? Меня все слушают...

- Будет тебе, старый шут!

Скворечник оказался очень хорошей квартирой. Главное — всё видно сверху. Только вынесут корм курам, а старый Воробей уже поспел раньше всех; сам наестся и своей Воробьихе зёрнышко снесёт. Он даже успевал украсть малую толику у Волчка, пока тот вылезал из своей конуры. И везде так. Шныряет под ногами у кур, заберётся в кормушку к лошадям, даже в комнаты забирался не раз, — прожорливости и нахальству старого Воробья не было границ. Мало этого, он успевал побывать и на чужих дворах и там урвать что-нибудь из съестного. Везде лезет, везде ему было дело, и никого знать не хочет.

Наступил март. Дни стояли тёплые, светлые. Снег везде по чернел, присел, пропитался водой и сделался таким рыхлым, точно его изъели черви. Ветви у берёз покраснели и набухли от приливавших соков. Весна подступала всё больше. Иногда пахнёт таким тёплым ветерком, что даже у старого Воробья захолонет сердце. Жутко-хорошо в такую пору.

Маленький Серёжка, как только просыпался утром, сейчас же лез к окну посмотреть, не прилетели ли скворцы. Но день проходил за днём, а скворцов всё не было.

- Тятя, на скворечнике всё этот воробей сидит, — жаловался Серёжка отцу.

- Погоди, отойдёт ему честь. Грачи вчера прилетели. Значит, скоро будут и наши скворцы.

Действительно, соседний барский сад был усеян чёрными точками, точно живой сеткой: это были первые весенние гости, при-летевшие с далёкого тёплого юга. Они поднимали такой гвалт, что слышно было за несколько улиц, — настоящая ярмарка. Галдят, летают, осматривают старые гнёзда и кричат без конца.

- Ну, старуха, теперь держись! — шептал старый Воробей своей Воробьихе ещё с вечера. — Утром полетят скворцы... Я им задам, вот увидишь. Я ведь никого не трогаю, и меня не тронь. Знай всяк сверчок свой шесток!

Целую ночь не спал старик и всё сторожил. Но особенного ничего не случилось. Перед утром пролетела небольшая стайка зябликов. Птички смирные: отдохнули, посидели на берёзах и полетели дальше. Они торопились в лес. За ними показались трясогузки, — эти ещё скромнее. Ходят по дорогам, хвостиками покачивают и никого не трогают. Они — лесные птички, и старый Воробей был даже рад их видеть. Нашлись прошлогодние знакомые.

- Что, братцы, далеко летали?

- Ах как далеко!.. А здесь холодно было зимой?

- Ах как холодно!..

- Ну, прощай, Воробушко! Нам некогда.

Утро было такое холодное, а в скворечнике так тепло, да и Воробьяха спит сладко-сладко. Чуть-чуть прикорнул старый Воробей, кажется, не успел и глаз сомкнуть, как на скворечник налетела первая стайка скворцов. Быстро они летели, так что воздух свистел. Облепили скворечник и подняли такой гам, что старый Воробей даже испугался.

- Эй, ты, вылезай! — кричал Скворец, просовывая голову в оконце.— Ну, ну, пошевеливайся поскорей!..

- А ты кто такой? Я здесь хозяин!.. Проваливай дальше, а то ведь я шутить не люблю...

- Ты ещё разговариваешь, нахал?

Что произошло дальше, страшно и рассказывать: разведчик Скворец очутился в скворечнике, схватил Воробьяху за шиворот своим длинным, как шило, клювом и вытолкнул в окно.

- Батюшки, караул! — благим матом орал старый Воробей, забившись в угол и отчаянно защищаясь.— Грабят... караул!.. Ой, батюшки, убили...

Как он ни упирался, как ни дрался, как ни орал, а в конце концов с позором был вытолкнут из скворечника.

III

Это было ужасное утро. В первую минуту старый Воробей даже не мог сообразить хорошенько, как это случилось... Нет, это возмутительно, как вы хотите! Но и с этим можно было помириться: ну, забрался в чужой скворечник, ну, вытолкали,— только и всего. Если бы старому Воробью такое же шило вместо клюва дать, как у Скворца, так он всякого бы вытолкал. Главное — стыдно... Да. Вот уж это скверно, когда захвастаешься, накричишь, наболтаешь,— ах, как скверно!

- Напугал же ты скворцов!—кричал ему со двора Петух.— Я хоть и в суп попаду, да у меня своё гнездо есть, а ты попрыгай на одной ножке... Трещотка проклятая!.. Так тебе и надо...

- А ты чему обрадовался? — ругался старый Воробей.— погоди, я тебе покажу... Я сам бросил скворечник: велик он мне, да и дует из щелей.

Бедная Воробьяха сидела на крыше такая жалкая и убитая и это ещё больше разозлило старого Воробья. Он подлетел к ней и больно клюнул её в голову.

- Что ты сидишь? Только меня срамишь. Возьмём старое гнездо, и делу конец. А со скворцами я ещё рассчитаюсь...

Но племянники, устроившись в гнезде, не хотели его отдавать ни за что. Подняли крик, шум и в

заключение вытолкнули старого дядюшку. Это было похуже скворцов: свои же родные в шею гонят, а уж он ли, кажется, не старался для них! Вот и делай добро кому-нибудь. Воробьюхи прибил ни за что, гнездо потерял, а сам на крыше остался с семейством — как раз налетит ястреб и разорвёт в клочья.

Пригорюнился старый Воробей, присел на конёк крыши отдохнуть и тяжело вздохнул. Эх, тяжело жить на свете серьёзной птице!

- Как же мы теперь жить будем? — жалобно повторяла Воробьюха.— У всех есть свои гнёзда... Скоро детей будут выводить, а мы так, видно, на крыше и останемся.

- Погоди, старуха, устроимся.

А главная беда была ещё впереди. Выбежал на двор маленький Серёжка, захлопал ручонками от радости, что прилетели скворцы, и не мог на них налюбоваться. Отец тоже любовался и говорил:

- Посмотри, какие они красивые: точно шёлковые. А как заливаются-поют! Весёленькая птичка...

- А где же воробей, тятя, который жил в скворечнике? Да вон он на крыше сидит... У, как смешно нахохлился!

- Да он всегда какой-то встрёпанный. Что, брат, не любишь? — обратился отец к Воробью и весело засмеялся.— Ну, вперёд наука: не забирайся, куда не следует. Не для тебя скворечник строили.

- Даже куры, и те смеялись теперь над несчастным старым Воробьём. Вот до чего дожил старик!.. Он даже заплакал с горя, а потом пришёл в себя и ободрился.

- Над чем вы смеётесь? — гордо спросил он всех.— Ну, над чем?.. Сделал ошибку, это правда; а всё-таки умнее вас... Главное-то — я вольная птица. Да... И живу, чем бог послал, а кланяться в люди не пойду. Куда бы вы все делись, если бы хозяин вас не кормил и не поил? И ты, Волчок, издох бы с голода, и ты, глупая птица Петух,— тоже, и лошадь, и корова; а я сам прокормлю свою голову. Да... Вот я какой!.. И теперь поправлю свою беду, дайте срок... А те зёрнышки, которые я собираю иногда на дворе около вас, тоже заработаны мной. Кто ловит мошек? Кто выкапывает червячков, ищет гусениц, всяких козявок? Да всё я же, я...

- Знаем мы, как ты червячков ищешь,— заметил Петух, подмигнув скворцам.— Вот в огородах гряды вскопают, насадят гороху и бобов,— воробьи и налетят. Всё разроют, а горох и бобы съедят. Воровством живёшь, Воробушко, признайся.

- Воровством? Я?..— возмутился старый Воробей.— Да я — первый друг человека... Мы всегда вместе, как и следует друзьям; где они, там и я. Да... И притом я — совершенно бескорыстный друг. Разве наш хозяин когда-нибудь бросал мне горсточку овса?.. Да мне и не нужно... Конечно, обидно, когда прилетят какие-то вертопрахи и им начинают оказывать всякий почёт. Это, наконец, просто несправедливо... А вы даже этого не понимаете, потому что один — целую жизнь в оглоблях, другой — на цепи, третий в курятнике сидит... Я — вольная птица и живу здесь по собственному желанию.

Много говорил старый Воробей, возмущённый коварством своего друга — человека. А потом вдруг исчез... Нет старого Воробья день, нет два, нет три дня.

- Он, вероятно, издох с горя,— решил Петух.— Самая вздорная птица, если разобрать.

Прошла целая неделя. Однажды утром старый Воробей опять появился на крыше — такой весёлый и довольный.

- Это я, братцы,— прочирликал он, принимая гордый вид.— Как поживаете?

- А, ты ещё жив, старичок?

- Слава богу... Теперь на новой квартире поселился. Отличная квартира... Эту уж для меня хозяин устроил.

- Может быть, опять врешь?



- Ага, хотите, чтобы я указал её вам? Нет, шалишь, теперь уж меня не проведёшь... Пока прощайте!

Старый Воробей не врал. Он действительно устроился. На гряде в огороде стояло старое чучело. На палке болтались какие-то лохмотья, а сверху надета была старая большая шляпа,— в ней старый Воробей и устроил себе гнездо. Здесь уж никто его не тронет, потому что не догадается никто, да и побоятся страшного чучела.

Но эта затея кончилась очень печально. Воробьяха высидела маленьких птенчиков в шляпе, а тут дунул вихрь и унёс шляпу вместе с воробьиным гнездом. Старый Воробей улетел в это время по своим делам, а когда вернулся домой, то нашёл только мёртвых птенчиков и убивавшуюся с горя Воробьяху. Впрочем, она недолго пережила своих деток. Перестала есть, худела и, нахохлившись, неподвижно сидела где-нибудь на ветке целые дни. Так она и умерла с горя... Ах, как тосковал по ней старый Воробей, как убивался и плакал!..

Наступила поздняя осень. Все перелётные птицы уже отправились на тёплый юг. Старый Воробей один поселился в пустом скворечнике. Он скверно себя чувствовал и почти совсем не чирикал. Когда выпал первый снег и маленький Серёжка выбежал на двор с саночками, то первое, что он увидел на ослепительно-белом снегу, был маленький трупик старого Воробья. Бедняга замёрз.

— А ведь жаль его,— бормотал Петух глубокомысленно.— Как будто и недостает чего-то... Бывало всё чирикает, везде вертится, ко всем лезет! Даже скучно стало на дворе без старого Воробья.